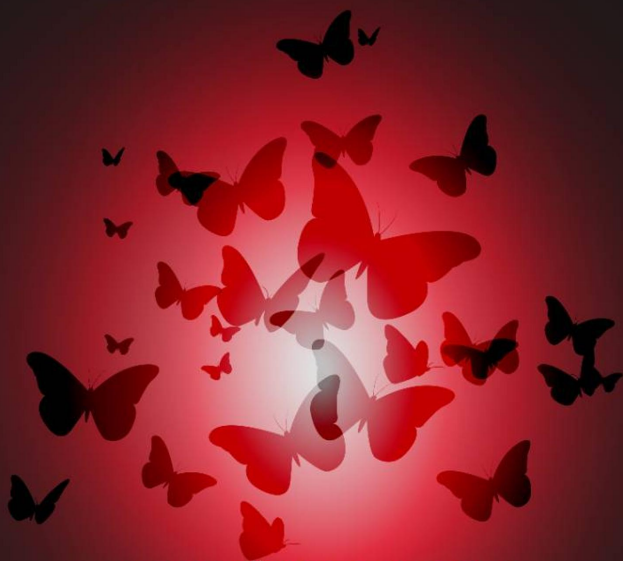

ВАЛЕРИЙ КОНОВАЛОВ

В ШАГЕ ОТ РАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Коновалов

В шаге от рая

<https://litres.ru/74199602>

SelfPub; 2026

Аннотация

А вы знаете, на что способна женщина ради спасения своей любви и зачем ей нужно прилагать столько усилий для этого - лгать, предавать, изменять, убивать и всё это время продолжать любить?

Содержание

1	5
2	20
3	34
4	48
5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Валерий Коновалов

В шаге от рая

А вы знаете, на что способна женщина ради спасения своей любви и зачем ей нужно прилагать столько усилий для этого - лгать, предавать, изменять, убивать и всё это время продолжать любить?

С недавних пор Алина перестала любить свои дни рождения. Раньше, чтобы считать себя счастливой, ей хватало коробки заварных пирожных, бутылки сидро и пластмассового пупсика, подаренного крёстной, но то время безвозвратно ушло, оставив лишь воспоминания и кариес на зубах. Беззаботное детство уже давно сменилось скучной обыденностью взрослой девушки, у которой не было ни только парня, но и нормальных друзей, хотя в шумном общежитии и в коридорах института можно было с лёгкостью найти и тех, и других, но Алина не искала, она ждала. И это ожидание, по мнению мамы, как всегда приехавшей поздравить дочь с днём рождения, сильно затянулось.

И снова всё свободное пространство в комнате занимали сумки, заполненные банками с солёными огурцами и помидорами, свёртками с салом, потрошёнными курами, кульками с дурно пахнущей картошкой и бутылками с домашним вином. Мама меры не знала, она везла всё, что было в доме, считая, что дочь голодает, и от этого худеет, а кому нужна худосочная девица из деревни, вот и старалась откормить как тёлку перед базаром, чтобы стала она такой же холёной как окружающие её городские красавицы. Но ничего не помогало, Алина как была худенькой простушкой, приехавшей

в город учиться на архитектора, такой и осталась, бессмысленно проучившись здесь почти пять лет. Почему бессмысленно? Да потому что поступала она в институт по требованию мамы вовсе не ради учёбы и будущей престижной профессии, а ради любви, которой в их Старомихайловке днём с огнём не найти. А если какой-нибудь механизатор и позарился бы на неё, то ждала бы Алину та же участь, что и её мать: работа до упаду на ферме, кухня, вечно пьяный муж, побои по выходным и почти ежегодная беременность, которая заканчивалась бы то выкидышем, то абортom, то родами. Потом непутёвый муж замёрз бы спяну в сугробе, оставив её одну с кучей детишек. И доживала бы она свой век, сидя на лавочке перед домом с кулёчком жаренных семечек, так и не поняв, что же это такое — настоящее бабье счастье.

Не давал покоя и пример соседки по комнате, которая решила однажды, что пора брать судьбу в свои руки, и надев всё самое лучшее, распустив белокурые волосы и накрасившись по моде, стала на самом оживлённом перекрёстке внутри институтского лабиринта, и уже на второй день в её сетях трепыхался солидный карась. И не беда, что звали «карася» Азиз, и родом он был из Ливана, и что нос у него был размером с чебурек, и по-русски знал он не больше десяти слов, да и те матерные; главное, что он смотрел на Лизу влюблёнными глазами и готов был потратить на неё все деньги, присланные отцом на обучение. Их любовь протекала бурно и сопровождалась шумными соитиями, которые Алина пере-

жидала на общей кухне, упиваясь холодным чаем и слезами, а в те вечера, когда свободных мест за столом не было, она запиралась в туалете, и усевшись на крышку унитаза, с надеждой смотрела в карие глаза Вахтанга Кикабидзе, плакат которого был кем-то намертво приклеен ко внутренней стороне двери. С недавних пор этот плакат стал для Алины чем-то сродни иконы, у которой она пыталась выпросить хоть немножечко любви, но в минуты свободные от молитвы её душила зависть, заставляя ненавидеть не только счастливую соседку по комнате, но и себя, за неспособность быть кому-то нужной. Лиза всё это чувствовала и однажды даже пыталась помочь, договорившись с Азизом, что тот подыщет для её подружки жениха из своих.

Ровно год прошёл после этого. Любвеобильная пара успела не только официально оформить свои страстные отношения, но и родить ребёнка. Однако его появление на свет вызвало шок у всего медперсонала роддома, ведь ещё толком не развеялось радиоактивное облако, образовавшееся после катастрофы в Чернобыле, и многие ждали, что вот-вот начнутся мутации. Мамочку успокаивали и не приносили младенца на кормление, уговаривали пока не поздно отказаться от появившегося на свет уродца. Лиза плакала, умоляла показать ей ребёнка, но доктора были непреклонны.

- Девочка, моя, - присев на край кровати, ласково произнесла заведующая отделением, - природа сделала ошибку. У такой красавицы как ты, должны быть такие же красивые

дети, и мы не в праве испортить тебе жизнь, отдав то, что случайно сотворил создатель. Подпиши бумаги на отказ. Поверь, так будет лучше для тебя. А родить нормального ещё успеешь.

- Я ничего не буду подписывать, - уверенно ответила ей Лиза.

- Ты ещё пожалеешь об этом, девочка, - выходя из палаты, сказала строгая докторша. - Напиши своему мужу, чтобы зашёл ко мне, может быть он будет сговорчивее.

- Хорошо, - сказала та, и черкнув несколько строк на листочке, швырнула его в форточку, прямо под ноги стоящему внизу Азизу.

Когда заведующая отделением взглянула на вошедшего в её кабинет мужчину, то ни сказав ему ни единого слова, тут же подняла трубку и приказала дежурной медсестре принести проблемной роженице её младенца.

- Простите, - виновато произнесла она, не в силах оторвать взгляд от его огромного арабского носа, - мы ошиблись... С вашим ребёнком всё нормально.

После роддома Алина осталась в комнате одна, Лиза съехала на новую квартиру, снятую любящим мужем, и только тогда, успокоившись и расслабившись, она вспомнила о желании помочь подруге. Азиз тут же откликнулся, и пообещал обеспечить, как минимум двух претендентов. Приближающийся день её рождения был хорошим поводом для знакомства.

Дежурный по общежитию постучал в дверь, и не дожидаясь пока Алина откроет, крикнул:

- Гринченко, тебя к телефону. Спустись на вахту!

- А кто звонит?

- Откуда я знаю, - раздражённо ответил дежурный, поспешив обратно. - Быстро иди, нельзя долго телефон занимать.

Алина набросила куртку и побежала вслед за ним.

- Привет, - услышала она в трубке весёлый голос Лизы. - Готова принять гостей с подарками?

- Каких гостей?

- Ты день рождения отмечать собираешься?

- Собираюсь. Мама приехала, - ничего пока не понимая ответила Алина.

- Ну вот мама в этот раз будет лишней, - рассмеялась Лиза.

- Почему?

- С тобой хотят познакомиться два парня. Придут к тебе на день рождения. Поздравить. Ну и... Сама понимаешь...

- Не понимаю.

- Какая же ты дура, Алька. А вдруг понравится один из них.

- Кто они такие? Я их знаю?

- Друзья Азиза. Говорит, что хорошие ребята. Ты же хотела познакомиться с кем-нибудь.

- Хотела..., - задумчиво произнесла Алина.

- Вот тебе шанс. Не упusti. Во сколько им завтра прийти?

- Я стол накрою часам к восьми.

- Думаю, заскочим с Азизом на минутку. А потом сама.

Алина не находила себе места, перевозбудившись задолго до того, как что-то могло произойти, и неизвестно, произошло бы вообще. Она чётко для себя решила, что сегодня обязательно должно свершиться то, к чему она так долго шла и к чему так долго готовилась. Ей было всё равно, кто они и как выглядят - один из них, в любом случае, должен был сделать её женщиной. Тянуть дальше не было никаких сил. Неожиданный звонок Лизы только усилил это желание, сделав его почти осязаемым. И впервые за много лет приезд мамы не радовал, не хотелось, чтобы она узнала о планах на этот вечер или каким-то образом помешала их осуществлению, но привезённые из деревни продукты были очень кстати.

- Ма, у меня сегодня вечером будут гости, - начала Алина издалека, когда сумки были уже распакованы.

- Ты хочешь спросить, во сколько я уеду?

Дочь смутившись прозорливости матери, кивнула.

- Не волнуйся, в семь последняя электричка. Накроем стол, и я уйду. Сколько человек будет?

- Думаю, что десять.

- Я их знаю?

- Ну, Лиза и Ализ с малышкой придут. Наташку, Юру, Жорика и Тому ты тоже знаешь. Будут ещё два парня...

- Надеюсь, что скоро с одним из них ты меня познакомишь? - хитро прищурившись, поинтересовалась мама.

- Я тоже на это надеюсь, - сказала Алина и крепко обняла

её.

Даже по городским меркам стол был просто великолепен. Алина собрала по всему общежитию самую красивую посуду, застелила кухонный стол белоснежной скатертью и всё красиво расставила; до этого они вместе с мамой наварили и нажарили всяких вкусностей, нарезали салатов и наделали несметное количество бутербродов с колбасой, сыром и салом. Домашнее вино аккуратно перелили в красивые бутылки из-под Вермута, постав их вместе с минералкой и сидро на противоположных углах стола, и всю эту вкусно пахнущую композицию накрыли чистой простынёй, чтобы не заветрилось.

- Обалденно получилось, - восторженно произнесла Алина. - Спасибо, мамуля.

Та взглянула на часы, и довольно потеряв руки, встала:

- Пора. Не провожай. Я позвоню в воскресенье, расскажешь, как всё прошло.

Мама сложила пустые сумки в одну большую, поцеловала дочь и ушла. Алина открыла окно, помахала ей рукой на прощание, а потом долго стояла, не обращая внимания на холод, и смотрела маме вслед, размышляя о том, стоило ли поделиться с ней своими планами или это должно навсегда остаться её тайной. И логичным был ответ, что не стоит терзать сердце матери лишними проблемами.

Как и у любой взрослой девчонки, не познавшей сполна всех прелестей любви, у Алины в душе бушевали одновре-

менно два чувства: желание и страх. И в этом противостоянии страх брал верх над желанием, подавляя его занудливым нытьём о плотской боли и девичьей чести. Но что такое боль, и уж тем более девичья честь, в сравнении с переживаниями о том, что ты навсегда можешь остаться никем не тронутой и никому не нужной. И снова логика была простой: пусть хоть первое случится, а второе, глядишь, и само собой подтянется.

Азиз не обманул, за столом, напротив Алины сидели два небритых красавца и пожирали её взглядами, а ведь выбрать нужно было только одного. Тот, что повыше представился Саидом, второго, который был немного красивее, звали Анваром. По тому, как оба арабских гостя с удовольствием выпили по бокалу маминого крепкого вина, закусили бутербродами с салом и ещё свиными котлетами, стало ясно, что они уже адаптировались к чуждому для них миру. Азиз и Лиза отбыли чисто формальный номер - поздравив, они тут же попрощались, даже не попробовав ничего из приготовленного.

- Давайте я вам с собой соберу, - засуетилась Алина, явно смущённая перспективой остаться наедине с новыми друзьями.

- Алька, не нужно ничего. Не беспокойся. Лучше иди к гостям, - сказала Лиза, и приблизившись, шепнула на ухо. - Присмотрись к Анвару. Классный парень.

- Да ну тебя, - наигранно отмахнулась от неё Алина, всё же бросив оценивающий взгляд на гостя.

- Алька, ты лучше нам собери, когда ещё такой вкуснятины поедим, - крикнул Жорик, и тут же получил подзатыльник от Томи. - А что, разве я не прав? Ты же готовить совсем не умеешь.

- Нашёл место, где жену унижить, - почти не разжимая губ злобно прошептала она в ответ.

- Я тебя не унижаю, а мотивирую, - улыбнулся Жорик и обнял Томи, - не обижайся, я научу тебя сациви делать.

После ухода Азиза и Лизы в комнате повисла напряжённая тишина. Гости, приглашённые Алиной, понимали, что им тоже не стоит задерживаться, но не могли придумать повод, и весомым аргументом посидеть ещё немного, была куча нетронутых блюд. Обстановку разрядил Юра, он наполнил бокалы, и встал, чтобы произнести тост.

- Алина, большинство здесь собравшихся хорошо тебя знают. Ты классная. И готовишь так, что пальцы можно съесть, и учишься лучше всех и друг хороший. Хотим пожелать, чтобы в этом списке твоих достоинств, появился ещё один пункт. И ты сама знаешь какой. Поэтому предлагаю выпить за любовь!

- Юрка, ты меня просто до слёз довёл. Спасибо вам всем, - шмыгнув носом, произнесла Алина, и снова бросила взгляд на Анвара. - А любовь... Она обязательно будет. А уверена в этом.

Гости быстренько опустошив свои тарелки, и выпив ещё по бокальчику, начали собираться, одаривая напоследок

именинницу не только поцелуями, но и многозначительными взглядами. Остались только друзья Азиза. И теперь Алина должна была сделать решительный шаг, отправив одного из них домой, чтобы с другим познать ту самую любовь, о которой она только что говорила. Станет ли любовь плотская любовью настоящей, покажет время, а пока ей нестерпимо хотелось удовлетворить потребности страждущей плоти.

Вино закончилось быстро, и захмелевшие парни предложили включить музыку и потанцевать, по очереди сменяя друг друга, так что уже через несколько минут Алина выбежала в коридор красная не только от количества выпитого, но и от смущения, ведь в танце парни позволяли себя такие вольности, от которых у неё перехватывало дыхание и кружилась голова.

- Зачем стоишь? - услышала она голос Анвара за спиной.
- Хороший музыка. Пошли.

- Я сейчас. Мне на минутку нужно..., - уклончиво ответила она, и скрылась за дверью туалета.

Алине не терпелось взглянуть в глаза Вахтанга Кикабидзе и спросить, а можно ли ей согрешить. Или может быть он какой-то знак подаст, что не стоит этого делать сегодня, что нужно ещё немного подождать и поискать. Неужели свет клином сошёлся на этом Анваре? Не поторопилась ли она в своём желании поскорее стать женщиной. Может нет ничего плохого в её девственности и скоро появится на пути наш нормальный парень, влюбится и всё будет хорошо. А может

и не появится? И ничего хорошего не будет? И улетят синицы чернявенькие в неизвестном направлении...

Она захлопнула дверь, и развернувшись, уселась на унитаз, чтобы все эти вопросы задать своему кумиру... Но вместо карих грузинских глаз с хитроватым прищуром на неё смотрели подведённые чёрным брасматиком похотливые глазки Томаса Андерса. Ну вот тебе и знак, подумала Алина, решительно вышла из туалета и почти лоб в лоб столкнулась с Анваром. Он подхватил её на руки и понёс в комнату, где тот самый Томас Андерс во всю глотку орал фальцетом: «Ю май хат, ю май сол», заглушая сначала мольбы, а потом и стоны Алины.

Не успела песня закончиться, как всё свершилось. Она поняла это не столько по боли, которая в начале, конечно, была, сколько по необычному ощущению внутри себя. Никогда раньше ничего подобного Алина не испытывала. Всё как-то смешалось в одну кучу: предвкушение, страх, музыка, вино, боль и разгорающаяся страсть. Голова кружилась от восторга, было мало воздуха, она хватала его губами, и со стороны это было похоже на попытки что-то сказать, но говорить не хотелось, хотелось продолжения, хотелось чувствовать внутри себя горячую твёрдую плоть, разрывающую её пополам. Может быть это и есть любовь? Её нужно терпеть. Ею нужно наслаждаться. Её нужно было так долго ждать.

Но вдруг всё закончилось, музыка ненадолго стихла, готовясь к новому всплеску, и Алина приоткрыла глаза. Перед

ней стоял голый Анвар и краешком простыни вытирал окровавленный член.

- Ты такой милый, - томно произнесла она, и провела пальцем к его волосатой ноге.

- Нэ надо. Я всё уже, - ответил он.

Анвар подошёл к столу, налил в бокал вина и протянул его Алине.

- Ещё надо пить.

- Я не могу... Я уже такая пьяная, - едва ворочая языком промямлила Алина.

- Пей, сказал.

Анвар приподнял её, и почти насильно влил вино в рот. Кисловато-сладкий напиток приятно обжёг горло и уже через секунду звон колокольчиков в голове усилился, комната поплыла в другую сторону, а силуэт стоящего рядом парня растаял. Алина снова закрыла глаза и рухнула на подушку, тут же почувствовав на своём теле крепкие мужские руки. На мгновение снова огнём обожгло между ног, но боль тут же сменилась блаженством, Алина подалась вперёд и обхватив руками Анвара, впилась в его спину ногтями. Тот ойкнул, но не прекратил движения, а только усилил их, с каждым разом проникая всё глубже и глубже, от чего сознание Алины отключилось, и только когда что-то взорвалось внутри и начало растекаться по всему телу волной непередаваемого наслаждения, она обмякла, издав напоследок стон, который не смогла заглушить даже орущая на всю громкость музыка.

- Господи, как хорошо, - прошептала она, не в силах остановить судороги, сотрясающие её ноги и живот. - Хочу быть с тобой, Анвар...

- Будэш... Обязательно будэш, - услышала она, и вдруг встрепелась и открыла глаза.

На краю кровати сидел Саид.

- Вы что?! Так нельзя! Я так не хочу! - завопила Алина, натянув на себя одеяло.

- Хочешь не хочешь, а уже всё, - с улыбкой произнёс Анвар, появившийся из-за спины Саида. - Теперь ты женщин. Аж два раза. Хороший женщин. Азиз не обманул.

Он достал из бокового кармана бумажник, порылся в нём и положил на стол две бумажки по пятьдесят рублей.

- Это подарок тэбэ. Захочешь ещё, только скажи. Всё брошу. Здэс буду. Ты так кричал... Мне очень понравился, как ты кричал.

Анвар наклонился, чтобы поцеловать Алину, но та с размаху вмазала ему пощёчину, и вжалась в стену, ожидая ответа. У того глаза налились кровью, но он сдержался, всё-таки подруга жены его друга.

- Глупый ты женщин. Будешь одна жить. Не приду я больше. И Саид не придёт. И никто не придёт

- Напугал, скотина!

- Не напугал, а прэдупрэдил. И молись, что у тебя есть такой друг как Азиз. Если бы не он...

- Что? Ты бы зарезал меня или ещё раз изнасиловал?

- Я нэ насилывал тебя. Запомни это. Ты ещё не знаешь, что такое настоящее насилие, - он сгрёб со стола оставленные деньги. - И это тоже нэ получишь. Нэ заслужила.

После их ухода Алина долго не могла встать с кровати, хотя опьянение прошло, словно его и не было, осталась лишь звенящая пустота в голове. Бобина на магнитофоне давно закончилась, и продолжая вращаться, хлопала свободным концом плёнки по пластиковой поверхности. Этот монотонный звук вводил в ещё больший ступор.

Алина проснулась почти в полдень. Тело ныло как после пыток, на нём не было ни одного участка, который бы не болел. Она с трудом приподнялась и протёрла слипшиеся глаза. Смотреть вниз было страшно, хотя она знала, что должна была там увидеть. Простыня с запёкшейся кровью прилипла к ногам так сильно, что её пришлось отдирать вместе волосинками. Хотелось смыть всё с себя, но выходить из комнаты было невыносимо стыдно. Алина была уверена, что все соседи, приложив стаканы к стенам, слушали этот спектакль, в котором ей была отведена роль грязной потаскухи. Но ведь она таковой не была, она просто хотела любви, а любовь почему-то не захотела одарить её своими чарами, позволив лишь на мгновение её почувствовать. А этого было так мало, не хватало даже для приятных воспоминаний, поскольку ту единственную светлую точку, которая сияла впереди, затмевала своей чернотой бесформенная грязная клякса, заполняющая всё вокруг.

Приоткрыв дверь, Алина прислушалась, в блоке было тихо, и она на цыпочках прошмыгнула в туалет. Ей нужно было сначала туда, а только потом в душ, и это была не физиология. Ей показалось, что взгляд Томаса Андерса стал ещё похотливее, а на губах застыла саркастическая ухмылочка. Алина поддела ногтем край плаката, и что есть силы рванула его вниз, освободив из плена Вахтанга Кикабидзе. Он взглянул на неё с каким-то отцовским укором, мол, что же ты, дуручка, наделала.

- Прости, - прошептала Алина, утирая градом катящиеся слёзы, - но ты тоже хорош... Почему тебя не было, когда ты был мне так нужен?

Она смотрела в глаза своего кумира, который предал её в самый ответственный момент, и ломая ногти сдирала намертво приклеенный к двери плакат, пока на поверхности не остались только ошмётки истерзанной бумаги и неровные наросты клея.

Нельзя сказать, что три года, которые Алина отработала после окончания института, пролетели незаметно. Она могла бы в красках описать своё пребывание в маленьком городишке, куда её заманил ушлый кадровик, приехавший на дипломирование специально для того, чтобы подыскать падких на обещания хорошей жизни выпускников, но это стало её второй в жизни тайной. Ну а тогда Алина не раздумывая ни секунды подписала все бумаги и побежала собирать вещи, ей поскорее хотелось скрыться от сплетен, опутавших её после того мерзкого инцидента на дне рождения. Она не просто чувствовала, а была уверена, что все в курсе её позора и никакого сострадания ей не дожидаться, поскольку молва утверждала, что она сама спровоцировала парней. Вот как ей было выдержать весь этот шквал негатива? Теперь Алина знала ответ.

Поезд уносил её за сотни километров, от места преступления. Так она решила, что случившееся — это и есть настоящее преступление, которое было совершено ею в отношении самой себя. И никого не нужно искать, и не нужно ничего доказывать — улики налицо и признательные показания на столе и приговор оглашён: три года каторжных работ без права быть любимой. Жестоко, но справедливо. Только так

можно было выбить дурь, которую порождала её неудержимая похоть.

Алина сидела на нижней полке уткнувшись лбом в грязное стекло и неотрывно следила за тем как сопровождающие поезд провода, то поднимались вверх, то снова плавно опускались вниз, и эта монотонная волна казалась бесконечной.

- О чём грустите? - услышала она за спиной мужской голос.

Алина оглянулась, прервав поток грустных мыслей. Это был кадровик, тот самый, что посчитал себя гением обольщения, почти без боя заполучив дешёвую рабочую силу для своего проектного института.

- Вам, Алина, радоваться нужно, что вырвались на свободу. Будете жить в сказочных условиях, вдалеке от городского шума и суеты. У нас природа такая, что можно умереть от красоты, - продолжил он, так и не выйдя из образа властителя человеческих судеб. - Меня зовут Глеб Константинович.

- Да помню я, - сухо ответила Алина. - А умирать от красоты я пока не собираюсь. У меня ещё есть планы.

- У нас тоже есть планы на вас.

- Как-то двусмысленно прозвучало.

- Не подумайте ничего такого, - начал оправдываться гость, опустив глаза в пол, - я просто имел ввиду, что работы у нас много, а рук не хватает...

- А что вы там прячете за спиной? - перебила его Алина.

- Да так..., - ещё больше смутился Глеб Константинович, и

поставил на столик бутылку коньяка. - Это для знакомства.

И оно состоялось... Обет воздержания, торжественно данный самой себе, не продержался и нескольких дней. «Знакомство» затянулось до самого утра, пока состав не прибыл в пункт назначения и проводница не начала метаться по вагону, матерясь и грохоча кулаком в запертое купе.

- Через минуту отправляемся! Просыпайтесь!

Пришлось прыгать уже на ходу, а разбросанные сумки и чемоданы собирать по всему перрону. Алина потом так и не вспомнила, что же заставило её выпить сразу пол стакана коньяка, то ли невинные глаза Глеба Константиновича, которые говорили: «не бойся, я безвредный», то ли желание забыться и провести черту между тем, что было и тем, что будет. Как результат — пустая бутылка, абсолютная бесконтрольность и неудержимое возбуждение только от самого факта, что всё происходит в том месте, где происходить не должно. Как выяснилось, ритмичное покачивание, громкий перестук колёс и храп, доносящийся из-за перегородки, очень способствовали процессу спонтанного соития, да и кадровик оказался на удивление ласковым, внимательным и трепетным обладателем весьма солидного мужского достоинства. Почему-то именно эта картинка лучше всего отпечаталась в помутнённом сознании Алины, от чего утром было ужасно стыдно смотреть Глебу Константиновичу в глаза. Ей тогда казалось, что случившееся останется тайной и никогда больше не повториться. И вообще трудно было найти оправ-

дание своей слабости, ведь она думала, что тот секс в общаге был последним в её жизни.

Она смотрела на стоящего перед ней мужчину, облачённо-го в убогий костюм и не понимала, как под всей этой нелепой оболочкой может скрываться такой страстный любовник. За три года Алина так и не смогла разгадать его тайну, при том, что каждый месяц посвящала этому несколько часов, отдаваясь неистово и без оглядки на нравственные принципы. Она помнила каждую из этих 36-ти ночей. Они были одновременно и прекрасны, и унижительны. Алина старалась как могла, всякий раз придумывая что-нибудь такое, чего не было раньше. Казалось, что ещё чуть-чуть, и он снимет с безымянного пальца правой руки исцарапанное золотое кольцо и произнесёт слова любви..., но отведённое время истекло, и Алина, так ничего и не дождавшись, собрала чемоданы и уехала обратно, не оставив Глебу Константиновичу ни телефона, ни адреса, а себе ни единого шанса на повторение собственной глупости.

Сев в вагон в одной стране, через двадцать два часа она вышла на вокзале совсем другой страны, оказалось, что пока её поезд плёлся среди лесов и полей, преодолевая два часовых пояса, Советского Союза не стало. Алина долго ревела, узнав об этом от таксиста, который довёз её до дома, где жили институтские друзья.

Дверь долго не открывалась, хотя изнутри доносились звуки, наконец замок щёлкнул и в проёме приоткрывшейся

двери показалось лицо Жорика, на его мокрых взъерошенных волосах были видны остатки не смытой пены.

- Алька, ты? - удивлённо воскликнул он. - Откуда?

- Оттуда, - улыбнувшись, ответила она. - Впустишь или тут поговорим?

- Ой, секунду подожди, я оденусь... Только из душа, - Жорик прошмыгнул в ванну и оттуда крикнул. - Заходи! Я сейчас!

Алина прекрасно знала эту квартиру. Сколько здесь было выпито и выговорено. Все страшно завидовали Томе и Жорику, когда им на свадьбу его родители подарили двухкомнатную квартиру. Студенты с собственной квартирой! Разве это не счастье? Только вот постоянные пьянки и непрекращающиеся посиделки очень сильно раздражали маму и папу. Они отдавали кровно заработанные деньги, чтобы дети с самого начала жили, как люди, а получилось, что квартира, по их мнению, превратилась в притон. И только после завершения учёбы, когда друзья, подруги и собутыльники разъехались кто куда, в этих стенах воцарилась тишина.

Алина прошлась по комнатам, огляделась и ей стало совсем грустно от увиденного: хорошая мебель, техника, посуда красивая, книги, кассеты, ковры. Не то что раньше: матрац на полу и телевизор с видеомagneитофоном в углу. Не нужны были тогда ни стол, ни стулья, ни скатерть, даже стаканы не требовались, ведь портвейн прекрасно пился из горлышка.

- А вы, смотря, совсем в жлобов превратились, - сказала она, увидев вышедшего из ванной Жорика. - Живёте, как буржуи. Хотя, вы всегда были буржуями.

- Не завидуй, Алька. Буржуиство — это тяжёлое бремя. Особенно сейчас. И всё-таки, ты так и не сказала, откуда и куда.

- Закончилась моя каторга.

- Почему каторга? Ты же осознанно уехала.

- Осознанно... Ты прекрасно знаешь, почему я уехала, - Алина отвернулась, едва сдержав слёзы. - Там на кухне тортик на столе, поставь в холодильник, вечером съедим.

- В честь чего?

- Хм... Забыл... Сегодня же мой день рождения.

- О, господи! Действительно забыл. Вот урод, - Жора обнял её, и запричитал, уткнувшись губами в ухо. - Прости... Прости... Прости дурака забывчивого.

- Да я и не обижаюсь. Столько времени прошло. У вас забот здесь и без меня хватает. А теперь ещё больше будет.

- Ты это о чём?

- Союза то нашего больше нет. Как теперь жить?

- Да, намутили, идиоты. Сам в шоке, - Жора посмотрел на часы и засуетился. - В общем так, ты располагайся, а мне нужно на работу сбегать.

- А Томка, когда придёт?

- Она в командировке, будет только завтра к вечеру. Поешь, там в жаровне курица. Сам готовил. Ты портвейн не

разлюбила?

Алина улынулась:

- Как же его можно разлюбить.

- Вот и отлично. Я буду в семь. Накрывай на стол, будем праздновать, - Жорик накинул куртку, и остановившись на пороге, крикнул. - И распаковывай свои чемоданы. На сколько я понимаю, тебе всё равно ночевать негде.

Алина выбежала из комнаты, но ничего не успела сказать в ответ, поскольку дверь уже захлопнулась и замок дважды щёлкнул. Она сама хотела попросить об этом, но только позже, когда появится повод. Ей просто нужно было пересидеть несколько дней, пока найдётся работа и какое-нибудь недорогое жильё, но проблема решилась сама собой. Осталось только договориться с Томой и сделать всё так, чтобы мама ничего не узнала о побеге.

В третий раз за свою недолгую жизнь Алине пришлось убегать; сначала от деревенской безысходности, потом от позора и наконец от засосавшего по самое горло лицемерного постоянства, когда ожидание последней субботы месяца превращалось в болевое ощущение. Она поняла это на тридцатом акте совокупления с Глебом Константиновичем, последующие шесть ничего кроме отвращения не вызывали, а только усиливали желание сбежать. А уж как Алина ревновала к его жене, которой досталась возможность обладать им в любое время, как только она того пожелает. Осознавать собственную глупость и слабость было тяжело, поэтому был вы-

бран побег.

Накрыть стол не составило проблем. В холодильнике нашлись деликатесы, о которых Алина уже и подзабыла: балык, сервелат, сыр голландский, селёdochка, была даже банка красной икры, но открывать её она не решилась, зато в серванте лежала коробка конфет «Стрела», не говоря уже о бокалах, хрустальных салатницах и красивых тарелках. Получилось очень симпатично и аппетитно. Довольная собой, Алина взглянула на часы, до прихода Жорика оставалось почти два часа. Она достала из чемодана свежее бельё, полотенце и косметичку; времени у неё было предостаточно, чтобы привести себя в порядок после поезда и предстать пред старым другом во всей красе.

Горячая вода, заполнившая ванну и белоснежная пышная пена разнежили почти до беспамятства. Давно Алина не испытывала такого удовольствия от купания, ведь душевая кабинка в её малосемейке со звенящим металлическим поддоном и вечно холодной водой, которая пахла какой-то химией, не позволяла не то чтобы насладиться, а элементарно принять душ. От импортного Томкиного крема, который моментально впитался, кожа стала гладкой, а из запотевшего зеркала в глаза Алине смотрела совершенно другая женщина, в которую не грех было влюбиться. Она постояла ещё немножко, любуясь своим отражением и принялась накручивать на голове чалму из полотенца. В это время в коридоре хлопнула дверь и слышались шаги. А вот на это Алина не

рассчитывала. Она посмотрела на трусики, лежащие на полочке, ну не в них же выбегать, приоткрыла немного дверь, высунула в образовавшийся проём руку, и крикнула:

- Жорик, дай мне, пожалуйста, что-нибудь накинуть. Я не думала, что ты так быстро вернёшься.

Через несколько секунд мягкая ткань коснулась её ладошки.

- Спасибо! - снова крикнула Алина, укутавшись в махровый халат.

Она крепко затянула поясок, подчеркнув тем самым талию, ещё раз бросила взгляд на своё отражение, и поправив выбившуюся из-под чалмы прядь волос, вышла из ванной.

- У тебя такое изобилие в холодильнике, я чуть слюной не захлебнулась..., - весело начала Алина, входя в комнату, где был накрыт стол, и тут же замерла, изменившись в лице.

Перед ней стояла мама Жорика и пристально смотрела ей в глаза, и этот взгляд прожигал насквозь. Такой концентрации ненависти и презрения она ещё никогда не встречала.

- Здравствуйте, - промямлила Алина, пятясь назад, - я тут стол накрыла... Жора должен скоро прийти...

- Стол, говоришь, накрыла... Ах ты блядина вонючая! Откуда ты взялась?! Я тебе сейчас такой стол накрою, шалава подзаборная! - она резко двинулась вперёд, столкнув бокал, который со звоном грохнулся об пол и разлетелся на тысячи кусочков.

Это взбесило её ещё больше.

- Не кричите так, Галина Степановна. Вы всё неправильно поняли.

- Да всё я правильно поняла, блядина. В ванной она уже плещется. Жрать мои продукты собралась. Имя моё откуда знаешь, сука?

- Галина Степановна, да посмотрите вы внимательно. Я Алина Гринченко. Мы вместе с Жорой и Томой в одной группе учились. Я сто раз здесь бывала. Вы же меня видели.

- Мало ли кто здесь бывал, - чуть поубавила пыл мама и внимательно присмотрелась. - Я еле-еле этот притон похабный разогнала. А ну, сними полотенце.

Алина размотала чалму и отбросила волосы назад.

- Узнаёте?

- Ну даже если и узнаю, это ничего не меняет. Тома нет, стол накрыт, ты голая, - она сгребла в охапку разбросанную на диване одежду и швырнула ею в Алину. - Тут даже представлять ничего не нужно. Всё шито белыми нитками. Понятно зачем припёрлась.

- А вот и не понятно. Я только с поезда. Вернулась после распределения...

- И больше тебе некуда было пойти? Почему не домой, к маме? Зачем к чужим людям припёрлась?

- Они мои друзья.

- Какие, к чёртовой матери, друзья? Да кто ты такая? Ты что им ровня? У тебя навоз под ногтями, а ты в друзья им набиваешься.

- Зачем вы так, - обиженно произнесла Алина, подняла с пола свою одежду и заперлась в ванной.

- Поплачь мне ещё там, - крикнула ей вдогонку Галина Степановна. - Шалава!

А слёз не было, только злость и обида. Что же не так с ней, почему постоянно попадает в дурацкие ситуации, чем провинилась пред богом, за что он так наказывает её. Стук в дверь прервал размышления.

- Алина, выходи, - донёсся снаружи голос Жорика, - мама извиняется.

- Ничего я не извиняюсь, - огрызнулась Галина Степановна.

Алина встала с ванной, отшвырнула в сторону халат и быстро начала одеваться в своё; руки тряслись не попадали в рукава, а ноги в джинсы, пуговицы застёгивались наперекосяк. Ещё несколько минут назад она видела в зеркале симпатичную мордашку, с каким-то шальным огоньком в глазах, а теперь оттуда смотрела потухшая взъерошенная баба, готовая снова сбежать. Она решительно вышла из ванной, и опустив голову, чтобы не видеть никого, протиснулась между матерью и сыном, заполнившими собою узкое пространство коридора.

- Ты никуда не пойдёшь, - скомандовал Жора, и опередив Алину, захлопнул чемодан.

- Отойди, пожалуйста, - спокойно произнесла Алина, - я не могу находиться в одной комнате с этой женщиной.

- Эта женщина — его мать! - жёстко отреагировала Галина Степановна. - И эта квартира куплена на мои деньги. И я вправе устанавливать здесь свои правила. Поняла, тварь!

- Прекрати! - крикнул Жора. - Не смей оскорблять её.

- Ты на мать голос повышаешь?! Из-за этой шалавы? Ноги моей больше здесь не будет! Траву будешь жрать, сынок!

Галина Степановна швырнула ключи на пол, и выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью.

- Зря ты вступился, - угрюмо произнесла Алина, продолжая упаковывать чемодан.

- Ты знаешь сколько я терпел нападки. Мы с Томкой чуть не развелись из-за наездов матери. Ей всё было не так: плохо убирает, невкусно готовит, за квартирой плохо следит, мало зарабатывает, меня не любит. Я пытался с ней говорить. Бесполезно.

- Ладно, Жорик, спасибо тебе. Пойду я. День рождения получился то что надо. Проводишь до вокзала?

- Никуда ты не пойдёшь. Я тебя не отпускаю.

- Ой, да ладно тебе. Всё равно уйду.

- А вот и нет, - он выхватил у неё из рук чемодан, затолкал его в шкаф и запер дверцы на ключ.

- Легче будет, - спокойно отреагировала на это Алина, - он и так достал меня. Все колготки о него порвала. А тортик мой съешьте. Томка любит такие. Привет ей передавай.

Она набросила на плечо сумку и решительно направилась к выходу. Жора обогнал её, и расставив в стороны руки,

упёрся спиной в мягкую дермантиновую обивку двери.

- Попробуй меня сдвинуть с места, - уверенно сказал он, глядя Алине в глаза. - Я сказал, ты никуда не пойдёшь.

Она подошла вплотную, так близко, что Жора почувствовал её прерывистое дыхание и восхитительный запах, который источали её волосы, он даже слышал, как неистово колотится её сердце. Алина лёгким движением плеча сбросила сумку, постояла немного, не отводя взгляд, и вдруг, обхватив его голову руками, впилась губами в его губы. Этот поцелуй длился так долго, что у обоих чуть не случился обморок. Жора первым пришёл в себя, и сжав своими ручищами хрупкое девичье тельце, подхватил Алину и понёс в спальню.

- Не надо сюда..., - чуть слышно произнесла она.

Измощённые, они уснули на растерзанном любовью диване только под утро. Как приятно было ощущать себя в объятиях сильного мужчины, который не испугался и не отступил. Алина уже проснулась, но глаза не открывала, её голова лежала на плече Жорика, который тихонечко похрапывал, и это было похоже на счастье. Она перебирала пальцами волосинки на его груди и пыталась сложить в голове пазл своей дальнейшей жизни. В этот момент, какая-то потусторонняя сила заставило её открыть глаза и повернуться... В дверном проёме стояла Тома, и не моргая смотрела на Алину. И вдруг из-за её спины показалась искажённая гримасой злорадства физиономия Галины Степановны, её ярко накрашенные губы приблизились к уху невестки и зашептали, видимо боясь

разбудить сына.

- Я же тебе говорила, что эта блядина не просто так приехала. А ты мне не верила. Убедилась теперь?

В маленькой квартирке на окраине города было так мало места, что разложенный диван занимал всё пространство комнаты, и чтобы включить телевизор, открыть окно или выйти на кухню, не нужно было с него вставать. Поначалу это даже нравилось Алине, она могла неделями не собирать его, и разувшись в коридорчике, сразу прыгала на него. Такими же микроскопическими были кухня и ванная. Окажись хозяйка чуть крупнее, у неё возникли бы проблемы с отправлением естественных нужд. Какой гений спроектировал этот урбанистический шедевр осталось загадкой, но то количество проклятий, которые ежеминутно обрушивались на него, должно было давно превратиться в сгусток отрицательной энергии, и разmozжить его «светлую» голову. Как бы то ни было, но эта квартирка стала для Алины не только убежищем, где она скрывалась от самой себя и где ей, наконец то, было хорошо, но и местом познания новых форм чужой любви.

Эти девять квадратных метров, которые Жорик уже второй год, в тайне от Тома, снимал для того, чтобы иметь возможность изредка уединяться, стали не единственным подарком, которым он попытался откупиться от Алины за кошмар, который в то, казалось бы, счастливое утро учинили его

мама и жена. Они таскали её за волосы, пинали ногами и обзывали самыми грязными словами, которые только можно было придумать. А он молча сидел в углу на диване, укутавшись в одеяло и сочувственно наблюдал за всей этой вакханалией, так и не помешав своим женщинам приводить приговор в исполнение. Второй индульгенцией стало приглашение Алины на работу. В городе открылся новый телеканал, и их общий институтский друг Юра, работавший там, пообещал помочь ей попасть на собеседование.

Найти Алину не составило труда. Жора прекрасно знал о её приятельских отношениях с комендантшей институтского общежития, которая, как только увидела свою любимую бывшую студентку, без лишних расспросов пустила её в подсобку, выдала раскладушку и комплект постельного белья. Там и нашёл её Юра, получивший от Жорика все инструкции.

- Привет, Алька. Не буду тянуть кота за яйца, - начал он прямо с порога, - у меня есть для тебя две новости. Хорошая и очень хорошая. С какой начать?

- Начинай с очень хорошей.

Он достал из сумки связку ключей и листочек.

- Здесь адрес, думаю, что сама найдёшь. Квартирка небольшая, но ты у нас девушка миниатюрная, поместишься. Можно вселяться прямо сейчас. Платить ничего не надо, только за свет, ну и коммуналка. И второе. Я работаю на телеканале, и нам нужен художник. Жду тебя завтра в 9.00

возле входа в горисполком. Отведу на собеседование. Возьми с собой все документы.

Алина внимательно выслушала его тираду, и немного подумав, взяла ключи и листочек с адресом, которые он держал на вытянутой руке.

- Я пока не стану тебя пытаться отчего такая щедрость, но отказываться от предложения не буду. Догадываюсь откуда ноги растут.

- Ну и славненько, - с облегчением произнёс Юра, - а то я настраивался тебя уговаривать и даже применять силу. Ты умничка, что не стала выкаблучиваться. А на Жорика не обижайся, ты же знаешь, он всегда был нюней и маменькиным сыночком. Я побежал. До завтра. И постарайся не опаздывать.

Наглость, с которой тогда, в начале 90-х, каждый брался за дела, в которых ничего не смыслил, поражала. Два видеомониторфона, простенькая камера со штативом, пара комнат, арендованных за копейки и связи в бывшем обкоме партии, позволяли гордо назвать своё творение первым коммерческим телеканалом в городе. И работали там такие же авантюристы, решившие, что нет ничего проще, чем делать телевидение. Вот и Алина ни секунды не сомневалась, что справится с неведомой ей роль художника-постановщика. А что тут сложного, ведь за плечами у неё была детская художественная школа и пять лет архитектурного института.

- Надо бы отметить, - деловито предложил Юра, после

успешного завершения собеседования, - у меня для таких случаев коньячок припасён.

- Прямо здесь? - спросила Алина, оглядев его комнатку, уставленную стеллажами с видео кассетами.

- Нет. Здесь поपालят. Давай у тебя. Заодно и новоселье обмоем.

- Хитро. А мы только вдвоём будем отмечать и обмывать? - лукаво прищурившись спросила она. - У тебя же, на сколько я помню, жена была. Как Наташка поживает? Давно её не видела.

- Да нормально она поживает. Ей до меня нет дела, мне нет дела до неё. Так и живём.

- Вы тут за три года, пока меня не было, совсем с ума посходили.

- Не без этого. Ну так что, согласна? Я тогда скажу Анечке, чтобы собиралась?

- Что за Анечка?

- Девушка, у которой ты была на собеседовании. Она тут всё: и секретарша шефа, и начальник отдела кадров, и ведущая моей программы...

- И твоя любовница, - перебила его Алина, и в её интонации проскользнули нотки ревности. - Обычно же своих секретарш директора трахают.

- У нас всё как у всех, - улыбнулся Юра.

- То есть Анечку одновременно трахаешь и ты, и директор? Как его...?

- Александр Анатольевич его зовут. Но не одновременно, а по очереди. Но шеф в приоритете. Тут я соблюдаю субординацию.

- А ей от вас не тошнит?

- Вроде довольна. Сама потом спросишь.

Обмывание и отмечание закончились быстро, и уже через час Алина сидела на кухне, согревая в стакане остатки коньяка, и слушала звуки любви, доносящиеся из-за фанерной двери, и они скорее раздражали её, чем возбуждали. Она всегда считала, что с ней что-то не так, что у других есть то, чего у неё нет, что другим достаётся лучшее и получают они гораздо больше чем она. Тому подтверждение было за стеной. Вечно ждать и получать лишь объедки — вот её участь. От этой истины на душе становилось ещё тоскливее, на столько, что не спасал даже коньяк.

А когда в её квартире вдруг появился Александр Анатольевич, и шуря подслеповатые глазки предложил любовь и покровительство, Алине почему-то не ощутила ни восторга, ни щекочущего чувства, которое случается с дамами, которые заждались именно этого.

- Зачем ты дал мой адрес шефу? - спросила Алина, зажав Юру в углу комнаты.

- А у меня был выбор? Анатольевич сказал, что уволит, если не скажу.

- Он целый год на меня внимания не обращал, проходил мимо, и даже не здоровался, а тут припёрся с цветами и шам-

панским. Я в халате, в тапочках драных, а он мне про любовь и чувства всякие. Как ты думаешь, мне было приятно?

- Ну уж не знаю. Он дядька видный, богатый. Анька если узнает, что ты с ним крутишь, глаза тебе выцарапает.

- Так ты ей скажи. Ускорь процесс.

- Не делай из меня тварь какую-то. Мне самому, знаешь, как противно было спать с ней после него. Как вспомню, так блевать хочется. А теперь она будет только моей.

- Представится повод, обязательно расскажу Анечке, что тебя тошнило от неё.

- Ну ты не передёргивай, - всполошился Юра, - она, может быть, единственное светлое пятно в моей жизни.

- И куда же ты теперь своё пятно приводить будешь чтобы ублажить? Ко мне опасно, по разным причинам. Самая главная из которых — у меня год не было никакого секса, - с грустной улыбочкой произнесла Алина.

- Ну ты, мать, даёшь. Может помощь нужна? Я всегда готов.

- Справлюсь. А то, что ты кабель, я и так знаю, без подтверждений.

По странному стечению обстоятельств, второй визит Александра Анатольевича к Алине совпал с её очередным днём рождения. Она даже начала подумывать о некой мистической составляющей, которая присутствовала в этом явлении. Это уже внушало не только опасения, но и страх. Но в борьбе между жгучим неприятием и страстным желани-

ем, победу с разгромным счётом одержало желание, поэтому Алина не стала сопротивляться напору, и благосклонно позволила Александру Анатольевичу прийти сегодня к ней, понимая, чем всё это закончится. И судя по одежде, запаху дорогого парфюма, цветам, яркой подарочной коробке и пакету с экзотическим алкоголем, пришёл шеф явно не с намерениями попить чайку, чем ограничился в прошлый раз.

По всему было видно, что он считает себя неотразимым, хотя окружающие тихонечко посмеивались у него за спиной за его манерность, напыщенность, менторский тон и фантастические очки, сквозь толстенные стёкла которых его взгляд, во время произнесения серьёзных монологов, превращался во взгляд идиота, что ещё больше смешило подчинённых. А ещё он был высоким и нескладным, и только мастерски пошитый костюм мог скрыть его телесные недостатки.

- Александр Анатольевич..., - начала Алина, но тот жестом остановил её.

- Саша. И, пожалуйста, на «ты». Мы же не на работе.
- Хорошо... Саша... Я попробую.
- Так что ты хотела мне сказать?
- Я хотела попросить вас... Вернее тебя... Снять очки.
- Зачем?
- Так будет лучше, - едва сдерживая улыбку произнесла Алина.

Именно это помогло ей абстрагироваться, а тот факт, что

Александр Анатольевич ничего не видит, только придавал уверенности. Бутылка «Мартини» закончилась незаметно, и немножечко осмелев и расслабившись, Алина потребовала вручить принесённый подарок, который скрывался с коробке с пышным бантом. Она, конечно фантазировала на эту тему, представляя себе всякое, но то, что оказалось внутри, взорвало ей мозг - обалденный комплект белья умопомрачительной красоты. Эти нежно-розовые трусики, лифчик, пеньюар и боди хотелось положить на тарелочку и не торопясь съесть, так они были аппетитны

- Можно я надену? - восторженно прошептала Алина.

- Это твоё. Зачем меня спрашивать, - с трудом сдерживая похоть, ответил Александр Анатольевич, явно довольный тем, что сумел угодить.

- Я такой красоты даже в кино не видела.

- Могу себе представить, как это будет красиво на тебе.

Алина схватила коробку, забежала в свою микроскопическую ванную, повертелась и поняв, что здесь она не сможет нормально переодеться, прошмыгнула на кухню. Как было приятно ощущать на своём теле мягкость кружевной ткани. Трусики идеально обтянули попку, а лифчик словно специально изготовили под размер её груди, ну а пеньюар был просто восхитителен: коротенький, невесомый, почти прозрачный, но именно это будоражило больше всего, что уж говорить о дарителе, который в ожидании выхода ёрзал на диване, подыскивая удобную позу, чтобы прикрыть своё возбуж-

дение.

Жорик долго расхаживал вокруг дома, обдумывая свои дальнейшие действия. Хорошим симптомом было то, что Алина согласилась жить в квартире, которую он снимал, даже не поинтересовавшись сколько это стоит. Значит она приняла его подарок. Пока не простила, но приняла. И это уже хорошо. Теперь нужно было сделать очередной правильный шаг и вернуть то удовольствие, которое он испытал год назад. Жора даже представить себе не мог, что эта скромная и почти невинная девочка, каковой Алина была все годы совместного обучения, способна на такое. Она могла выпить в компании, потанцевать, позажиматься с кем-то в углу, и это всё, ничего другого в её арсенале обольщения не было. А в тот вечер она творила с ним невообразимое, сведя на нет все его фантазии, которые роились в голове после просмотра очередного порнофильма. А каково было потом лечь в постель с Томой, предпочитавшей одну единственную позу и никакие эксперименты не то чтобы не приветствовались, а даже не выносились на обсуждение. Жорик простить себе не мог, что не вступился за Алину, позволил им творить самосуд, его словно парализовало тогда, скорее всего из-за присутствия матери. Он хоть и хорохорился всю свою сознательную жизнь, но был на столько зависим от неё, и подчинён её воле, что редкие всплески противостояния лишь забавляли её.

Жора видел, как пришла Алина, видел её в окне, но так и не решился позвонить в дверь, посидел немного на детской площадке, теребя в руках букет, который с каждой минутой становился всё непригляднее, и если бы не внезапно хлынувший дождь, то уже ехал бы в автобусе домой, а так лишь успел, накрывшись курткой, добежать до подъезда соседнего дома, где отряхнувшись, поднялся на пару пролётов и уселся на подоконнике между этажами. Через минуту кто-то такой же, как и он вбежал в подъезд, и обосновался этажом ниже. Даже сквозь доминирующий запах, источаемый мусоропроводом, Жорик почувствовал аромат французских духов.

Уже стемнело. Он протёр ладонью грязное стекло, отыскав взглядом окна своей квартиры, до которой было не больше двадцати метров, и в проёме не зашторенного кухонного окна увидел Алину. Поскольку его наблюдательный пункт находился выше, то всё происходящее было, как на ладони. Она распаковала коробку, стоящую на столе и извлекла из неё какие-то вещи. Даже издали было видно, как засияло лицо Алины, она восторженно запрыгала..., и вдруг, начала быстро раздеваться, отшвыривая в сторону кофточку, юбку, а затем и всё остальное, оставшись совершенно голой. У Жорика от увиденного затряслись руки, а лоб покрылся испариной.

- Ах ты, сука, - донеслось снизу, но он не обратил на этот возглас внимания, так был ошарашен увиденным.

И только сейчас понял, что было в коробке — новое бе-

лѣ. Именно его Алина и начала надевать: сначала трусики — боже как это было восхитительно, затем лифчик — просто прелесть, и вот пеньюар, который лишь слегка прикрывал её попку — можно просто сойти с ума. Откуда такая красота, подумал Жорик, даже с мамиными связями достать такое было практически невозможно. И тут он увидел, как позади Алины в стеклянном проёме кухонной двери появился мужской силуэт... Ещё мгновение, и свет в квартире погас... Какое-то неподвластное его воле усилие сорвало тело с места и понесло вниз. Он бежал, не обращая внимания на дождь и чавкающую под ногами грязь, промокнувший насквозь влетел в подъезд, и замер у двери квартиры, на мгновение задумавшись — открыть своим ключом или позвонить. В это время позади него раздался стук каблуков и материализовался знакомый запах, ещё минуту назад, щекотавший ему ноздри. Он сделал шаг в сторону, позволяя девушке пойти, но та не сдвинулась с места.

- Вы тоже сюда? - спросил Жора.
- Да, - ответила та.
- Это вы были в соседнем подъезде? И всё видели??
- Да.
- Вы не многословны.
- Не до разговоров. Звоните. Им надо помешать.
- Вы знакомы с теми, кто внутри?
- Ещё как...

Неожиданно из-за двери донёсся истеричный женский

смех и послышалась какая-то возня. Жорик выхватил из кармана ключ и начал дрожащими руками тыкать им в замочную скважину, но не успел он попасть в щель, как дверь распахнулась, и на площадку вывалился мужчина. Он подпрыгивал на одной ноге, пытаясь поправить туфлю, и одновременно с этим придерживать не застёгнутые брюки. Столкнувшись лицом к лицу с девушкой, он замер, ткнув указательным пальцем в переносицу, навёл резкость.

- Анечка? Зачем ты здесь? - растерянно спросил он.

- Пришла посмотреть, как ты мне изменяешь.

- Всё не так...

- Как раз всё именно так, - перебила его Аня, увидев в глубине квартиры Алину, облачённую в сексуальный наряд.

- Я просто пришёл... поздравить коллегу с днём рождения.

- Поздравил?

Тот кивнул.

- А теперь вали.

Александр Анатольевич, наконец, поправил туфлю и смог застегнуть на брюках ремень. Он ещё раз с надеждой посмотрел сквозь свои толстенные стёкла очков на Аню, словно ожидая прощения, но та шагнула в сторону, освободив ему путь к выходу.

- Ступай, Сашенька. Я больше тебя не задерживаю.

Жорик всё это время стоял чуть в стороне, и не отводя глаз смотрел на Алину.

Она слышала, как за тоненькой кухонной дверью прерывисто дышит Александр Анатольевич, пытавшийся разложить её диван, и прекрасно понимала чем должен закончиться сегодняшний вечер. Ну и ладно, пусть я буду продажной тварью, думала она, поглаживая нежную ткань, которая обтягивала её тело, за это можно и согрешить разочек. Алина открыла дверь, протянула руку и нащупав выключатель, одновременно погасила свет и на кухне, и в общей комнате.

- Алина, зачем ты выключила свет? - спросил Александр Анатольевич. - Я бы хотел посмотреть на свой подарок.

- Потом, - споткнувшись о диван, ответила она. - Вы... Ты где?

- Лежу здесь... Я всё-таки включу свет. Можно?

- Ладно, - согласилась Алина.

Клацнул выключатель на торшере, и комната наполнилась приглушённым светом. Гость лежал на диване, укрывшись простынёй.

- А ты, Саша, уверенный в себе. Смотри..., - почти без ехидства произнесла Алина, и сделала оборот вокруг себя на одной ноге так, что невесомый пеньюар взлетел до самой груди.

- С ума сойти, - простонал Александр Анатольевич.

- Я тоже так думаю. И за это ты получишь подарок от меня.

Алина схватилась за край простыни и резко дёрнула её на себя.

- Это что? - после секундного замешательства от увиден-

ного, произнесла она. - Я не возбуждаю тебя? Почему он не стоит?

- Почему же не стоит? Стоит...

Алина подвинулась ближе и прикоснулась пальчиком к микроскопическому отростку, который едва выглядывал из волосяных зарослей. Он действительно был твёрдый, но такой маленький, не больше спичечного коробка. И тут, откуда-то изнутри, вырвался гомерический хохот, который она не могла остановить, а может быть просто не хотела. Алина никогда в жизни так искренне не смеялась, она каталась по дивану, схватившись за живот, сотрясающийся от накатывающих приступов смеха. Александр Анатольевич вскочил и начал торопливо одеваться, так и выбежал на площадку, не застегнув до конца брюки...

- Заходите. Чего стали. Нам есть о чём поговорить. - утирая слёзы, сказала Алина, обращаясь к стоящим за дверью Жорику и Ане.

Алине нравилось, когда её узнавали на улице, шушукались за спиной, и даже когда в наглую тыкали пальцами и приставали с похабными предложениями. Это чувство можно было сравнить лишь с сексуальным возбуждением, но оно было каким-то не таким, более ярким, но скрытым очень глубоко и совсем не в тех местах, которые обычно отвечают за возбуждение. Или с ощущениями, которые испытывает человек, идущий голышом в толпе. Но поскольку Алина никогда не ходила по улице голая, для неё всё это было весьма забавно. А ещё её умиляли дамы, которые подсаживались рядом с ней на лавочку, и не глядя в глаза просили дать совет, что не так они делают в постели и почему мужья игнорируют их сексуальные порывы. И Алина не стесняясь советовала, рассказывала, делилось богатым опытом, полученным от просмотра кучи эротических фильмов и прочтения огромного количества книг и журналов аналогичного содержания. Стеснение прошло после первого ночного эфира, когда она появилась на экранах всех телевизоров и с видом опытной всезнайки начала рассказывать об эротике и сексе, и обо всём, что этому сопутствует.

- Тебе нечего бояться, - уговаривал Юра уже подвыпившую Алину, подливая в опустевший стакан красного вина, -

ты будешь просто читать текст, всё остальное делаю я.

- Но тексты то похабные.

- Не похабные, а эротические. Я эту программу уже год обдумываю. Столько всего интересного нашёл и написал. У меня такое видео есть, что зрителей от экрана оторвать невозможно будет.

- Ну какая из меня ведущая. Посмотри на меня — ни рожи, ни кожи, - уже в сотый раз пыталась возражать Алина.

- А камера говорит совсем о другом. Помнишь я пробы снимал и просил тебя постоять в кадре и почитать текст?

- Помню. И что?

- Ты идеально выглядишь в кадре. Зрители офигеют, когда из твоих уст будут звучать мои тексты.

- А что шеф скажет? Я и так держусь здесь на честном слове. На глаза ему стараюсь не попадаться. А ты предлагаешь засунуть мою морду в телевизор. Он же сгноит меня после этого.

- Не сгноит. У тебя есть весомый аргумент, - Юра пальцами показал размер, и они дружно заржали.

Пришлось сбежать ещё за одной бутылкой, чтобы закрепить договорённость, и когда у обоих языки уже перестали ворочаться, Алина, прищурившись, спросила:

- А мы трахаться сегодня будем?

- Хотелось бы...

- Мне тоже... Ой... как хочется...

- Прямо здесь?

- Я до дома не дойду.

- Тогда давай...

- Давай...

Их глаза одновременно закрылись, а головы, потеряв устойчивость, медленно опустились вниз...

- Что-нибудь было? - прикрывая ладошкой рот, произнесла Алина, щурясь от слепящего солнца.

- Думаю, что нет, - осмотревшись, ответил Юра, и сжал гудящую голову руками.

- И это хорошо. А то сейчас было бы стыдно. А нам ещё работать вместе.

Съёмки прошли на удивление легко. Алина чувствовала себя как рыба в воде, словно стояла перед камерой не в первый раз, а как минимум в сотый. Она умело интонировала, правильно держала паузы, в нужных местах улыбалась и в каждом из эпизодов была так органична и естественна, что Юра, глядя в монитор, то и дело ловил себя на мысли, что жалеет о той ночи, когда мог, но уснул. Программа получилась даже лучше, чем задумывалось. Александру Анатольевичу было доложено о готовности, и он затребовал её на просмотр. Вышел из кабинета часа через два, весь потный и покрытый красными пятнами. Алина и Юра всё это время сидели в приёмной, ожидая вердикта, и вскочили, как только увидели шефа, держащего в руке кассету.

- В эфир, - коротко резюмировал тот, опустив глаза в пол. Юра схватил кассету, и выбежал в коридор.

- Алина, останьтесь, - тихо произнёс Александр Анатольевич, входя в свой кабинет, - хочу сказать..., что вы прекрасны.

- Мы снова на «вы»? - спросила она, войдя следом.
- Уже давно. Просто не было повода поговорить.
- Я хочу попросить у вас прощения за мой идиотский поступок.

Он, наконец, взглянул на Алину. Очки только усилили грусть, которая наполняла его глаза.

- Сам виноват. Поэтому просить прощения должен я.
- Повисла небольшая пауза.
- Вам понравилась программа?
 - Я же сказал - в эфир, - он снова сфокусировал свой взгляд на её глазах. - Но больше всего мне понравилась ведущая.

- Надеюсь вы не планируете второй раз вступить в ту же реку?

- Ни в коем случае. Мне хватило первого раза.

Телефон не умолкал до самого утра. Звонили все, кто только мог позвонить, кто помнил и знал Алину: хвалили, заискивали, завистливо поучали, просто радовались. Именно в это утро она впервые ощутила на себе те самые взгляды окружающих, которые не верили, что видят перед собой новую телевизионную звезду.

- Алька, я в шоке, - слышала она в трубке голос Ани. - Тут в агентстве все только и говорят о тебе. Меня шеф задолбал

вопросами — кто такая, откуда.

- Они тоже смотрят такое? Рекламисты же, нафига им эротические программы?

- Ещё как смотрят.

- Ну как тебе на новом месте? - сменила тему Алина.

- Отлично. Совсем другие люди. А шеф здесь просто душа. Такой миленький. Но я пока сдерживаю себя.

- Вот ты неугомонная. Тебя хоть кто-нибудь кроме руководства интересуется?

- С Юркой продолжаю трахаться, - невозмутимо ответила Аня. - Кстати, а как у тебя на этом фронте?

- С переменным успехом, - вздохнула Алина.

Последний секс у неё был как раз в ту ночь, когда сбежал пристыженный Александр Анатольевич. А разве он мог не случиться? Жорик даже говорить ничего не стал, запер дверь, оставив замерзать на площадке опешившую Аню, и чуть не задушил в объятиях Алину. Он как можно скорее хотел снять с неё все эти чужие подарки, отшвырнуть их в сторону и снова ощутить то блаженство, которое уже однажды ощутил.

- Осторожно, порвёшь, - фыркнула она, оттолкнув ретивого гостя, - я сама.

Алина не торопясь сняла пеньюар, аккуратно расстегнула лифчик и осторожно стянула трусики, положив всю эту красоту повыше на полочку.

- А вот теперь можно, - улыбнулась она, повиснув не шее

Жорика.

Им никто в этот раз не помешал...

- Ты придёшь завтра? - спросила Алина, блаженно потягиваясь в кровати и глядя на то, как Жора одевается.

- Мы с Томой вечером летим во Францию, - после небольшой паузы ответил он.

- А... Понятно, - потухшим голосом произнесла Алина, и отвернулась к стене. - Счастливого отдыха.

- Не начинай. Ты же понимаешь... Семья и всё такое.

- Понимаю. Можешь идти, Жорик. Ты получил, что хотел. Но запомни, третьего раза не будет. Никогда.

Программа за полгода стала настолько популярной в городе, что редакцию еженедельно заваливали письмами, в которых мужчины объяснялись в любви к ведущей, старики жаловались на разгул мерзкой порнографии, женщины делились своими бедами и переживаниями, а молодёжь требовала тем погорячее. Для Алины это стало настоящей отдушиной, а из-за плотного графика съёмок, у неё просто не оставалось времени на грусть. Казалось, что эта эйфория продлится вечно, и каждый выход из дома будет сопровождаться всё нарастающей волной восхищения, но всё закончилось тем, что какой-то придурок, вот уже несколько дней безуспешно пытавшийся познакомиться с Алиной, плеснул ей в лицо кислотой. Она чудом успела увернуться, и основной поток ядовитой жидкости попал в плечо, молниеносно

превратив куртку в расплавленный ошмётток кожи, оставив на теле лишь небольшой ожёг. Через минуту, нападавший уже лежал мордой в грязи, и несколько мужиков от всей души пинали его ногами.

- Ты просто кинозвезда какая-то, - восхитилась Аня, забежав во время перерыва на канал, - аж завидно.

- Это была последняя вспышка сверхновой звезды, - грустно улыбнулась Алина. - Закрыли программу. Сашенька наш в штаны наложил, когда к нему пришли из милиции. Ничего, говорит, не знаю, всё делалось у него за спиной, без ведома и без разрешения.

- Так переходите к нам. И Юрка будет под боком и ты, при деле. Нам для рекламы художники нужны. Хочешь поговорю с шефом. Я знаю, он смотрит вашу программу, значит знает, что вы не пальцем деланы. В общем, жди. Будет тебе подарок на день рождения.

- О боже, ещё один год прошёл, - всполошилась Алина. - Так и не заметишь, как бабкой станешь.

- Не спеши себя записывать в старухи.

Все, кто хоть мало-мальски был связан с телевидением, с вожделением следили за тем, что и как делает первое в городе рекламное агентство, и в тайне мечтали туда попасть. Алина не была исключением. У неё всё затрепетало внутри, когда на следующий день после разговора раздался звонок, и в трубке зазвучал весёлый голос Ани:

- Я договорилась! Ровно в два выходи к остановке, к той,

что напротив исполкома. Там тебя будет ждать наша тёмно-синяя «Шкода».

- А что мне взять? Что делать?

- Ничего не делай. Просто будь собой.

Легко сказать — будь собой. Чем ближе стрелки часов приближались к назначенному времени, тем сильнее Алину колотило, будто бы от этой встречи зависела вся последующая жизнь. Нужно успокоиться, твердила она сама себе — это просто новая работа, и не факт, что тебя туда возьмут. Но за полчаса до назначенного времени она уже была на остановке и пряталась за рекламным щитом, ожидая, когда подъедет машина. Тёмно-синяя «Шкода» подкатила ровно в назначенное время, и как только она притормозила, Алина вышла из своего укрытия и постучала в окно. Водитель открыл дверь изнутри.

- Вы Алина?

- Да.

- Тогда поехали.

Она уселась на переднее сиденье, и тут же пожалела об этом, оно было низкое и пришлось изловчиться, чтобы спрятать обнажившиеся коленки и бёдра. Водитель заметил её мучения.

- Да, девушкам здесь не очень удобно ездить. А вы садитесь сзади.

- Спасибо вам большое, - с благодарностью в голосе произнесла Алина, пересаживаясь назад, - а то я как девка гуля-

щая выгляжу.

- Вам говорили, что вы восхитительны на экране? - неожиданно спросил водитель.

- Не поверите, каждый день по сто раз говорили, но всё, телевизионная сказка закончилась. Закрыли нашу программу.

- Очень жаль. Смотрел регулярно, - он повернулся, и бросил мимолётный взгляд на Алину, от чего та покраснела. Всю оставшуюся дорогу они промолчали. Лишь изредка, поглядывая в зеркало заднего вида, в котором отражалось сосредоточенное лицо водителя, Алина ловила себя на мысли, что он ничего. Очень даже ничего. Редко можно встретить так хорошо сложенного мужчину с такими выразительными и запоминающимися чертами лица. Ему бы быть солидным бизнесменом или директором научного института, а он работает водителем. В такого можно и влюбиться с первого взгляда... Машина остановилась у входа в большое офисное здание.

- Алина, вы поднимайтесь на третий этаж, - сказал водитель, прервав поток её фантазий, - вас Аня там встретит, а я пока поставлю машину на стоянку.

Эта информация немного успокаивала, но состояние мандража всё равно никуда не делось. Створки лифта открылись, и первое, что увидела Алина — это сияющее лицо Ани. У неё на голове красовался яркий праздничный колпачок, а в руках она держала большую хлопушку, которая тут же из-

дала громкий звук и выплюнула из своего чрева облако разноцветных конфетти. Когда Алина открыла глаза, то увидела вокруг толпу радостных людей, которые громко хлопали в ладоши и хором кричали «Хепи бёздей ту ю», как будто бы знали её уже много-много лет.

- Зачем всё это? - смущённо прошептала она, схватив Аню за руки и подтащив к себе.

- Ну здорово же! Настоящий день рождения!

- Я же здесь никого не знаю и меня никто не знает. Странно как-то.

- Ничего странного. Ты теперь наша. И мы этому рады. Бери бокал, сейчас будут подарки и тосты.

Аня подвела Алину к накрытому посреди холла столу и вручила ей бокал с шампанским. Каждый из собравшихся подошёл и чокнулся с ней, пожелав всего самого наилучшего и успехов на новом месте. Это звучало искренне и очень понравилось ей. Среди шума и радостной суеты никто не заметил, как створки лифта снова открылись, и в холл вошёл водитель с коробкой, обёрнутой подарочной бумагой. Он сделал несколько шагов, углубившись в толпу, и с каждым его новым шагом в помещение становилось всё тише и тише. И когда он вплотную подошёл к Алине, в холле уже была абсолютная тишина. Странная реакция на водителя, подумала она, и в очередной раз отметила, что не может оторвать глаз от этого импозантного мужчины. И вот их взгляды встретились..., и вдруг, у неё дыхание перехватило, сердце сжалось,

руки затряслись и по всему телу пробежал холодок. Алина читала в книжках, это состояние называлось любовью с первого взгляда. Вот это поворот... И часа не прошло, а ты уже умудрилась влюбиться, вертелось у неё в голове, и что же теперь делать...

Она видела, как начали шевелиться его губы, но слов пока не слышала, они проникли в её сознание лишь через несколько секунд.

- ... от имени нашего агентства и от меня лично, позвольте поздравить вас с днём рождения и пожелать оставаться такой же красивой. А то, что вы органично вольётесь в наш коллектив, я даже не сомневаюсь, - он подошёл совсем близко и прикоснулся своим бокалом к бокалу, который держала в руках Алина. - А теперь разрешите представиться. Виталий Давидович, генеральный директор агентства, в котором вы теперь работаете...

Он продолжал что-то говорить, но его слова разлетались на невесомые составляющие, которые кружили вокруг неё, превращаясь в звенящую какофонию. Ещё секунда, и Алина, потеряв сознание, упала бы на пол, но крепкие руки подхватили её, не дав подкоситься ослабевшим ногам. Такое частенько случалось с томными дамами из века девятнадцатого, когда они, встретив на балу любовь всей своей жизни, лишались чувств на виду у почтенной публики.

- Вам уже лучше? - услышала она где-то вдалеке мужской голос, который вырвался из звукового хаоса, и открыла гла-

за.

Над ней нависали Виталий Давидович и Аня, которая тыкала ей в нос ватку с нашатырным спиртом, а он поправлял холодное полотенце, лежащее на лбу.

- Что это было? - едва шевеля белыми губами, прошептала Алина.

- Вы потеряли сознание. Такое случается. Сейчас полежите немного, выпьете сладкий чай с лимоном, и я отвезу вас домой. Анечка сделай, пожалуйста, чай.

- Но вы же не водитель, - сказала Алина, как только секретарша вышла из кабинета.

- Нет не водитель, но бывают ситуации, когда мне это доставляет удовольствие. Как сегодня, например.

- Вы за мной приехали специально?

- Да. Хотел познакомиться в неформальной обстановке, без лишних глаз и лишнего пафоса.

- Получилось?

- Думал, что получилось, но видимо перегнул с сюрпризом.

- Даже можете не сомневаться. И с пафосом получилась передозировка.

Алина пыталась быть строгой и независимой, и всем своим видом показывать, что всё случившееся с ней не имеет никакого отношения к чувству, которое внезапно вспыхнуло в её сердце. Не обязательно ему знать об этом. Может быть потом, когда познакомятся поближе, когда проясниться си-

туация... В это время вошла Аня, она поставила чашку горячего чая на тумбочку, и взяв Виталия Давидовича под руку, отвела его в сторону.

- А как же я? Мне одной ехать? - надув губки произнесла она.

- Анечка, прости, я не могу оставить девушку. Сейчас распряжусь и тебя отвезут домой.

- Я и сама могу распорядиться, - обиженно ответила та, и нарочито громко стуча каблуками, вышла из кабинета.

- Ну вот, обиделась, - констатировал Виталий Давидович. - А ведь хотел, как лучше. Ой, смотрите, у вас щёчки порозовели. Ещё чуть-чуть и можно будет ехать.

В холле уже никого не было, остался только бардак: растерзанный стол и засыпанный конфетти пол. Ничто не помешало коллективу насладиться халявным пиршеством, хотя виновница торжества покинула его в самом начале. Алина казалось, что машина мчится с огромной скоростью по ночному городу, что ещё один поворот и появится её дом, и придётся выходить, а так не хотелось этого. Хотелось сидеть и сидеть здесь, ощущая рядом собой мужчину, о котором давно мечтала. И вот он рядом. Живой. Настоящий. Дышит, разговаривает, смеётся. Так ведь не бывает. Алина даже несколько раз незаметно щипнула себя, думая, что это сон, что она сейчас проснётся, и всё будет так как было: одиночество и не утихающее ни на секунду желание любить и быть любимой. Но сон всё же оказался явью. Дурманящей, сводя-

щей с ума и такой возбуждающей.

И вдруг, не отдавая себе отчёт, почти бессознательно, Алина вцепилась в руль, и резко потянула его на себя. Машину рвануло к обочине, Виталий Давидович чудом успел надавить на тормоз и уклониться от столкновения с металлическим отбойником.

- Вы с ума сошли!? - крикнул он, как только машина остановилась.

Алина ничего не ответила. Посидела немного, понуриив голову, а потом повернулась, и приподнявшись, обхватила его шею руками.

- Не бросай меня, - тихо произнесла она. - Я буду любить тебя как никто не любил. Я умею.

Алина с надеждой смотрела в глаза Виталия, понимая, что за такую выходку, он может просто вытолкнуть её из машины и уехать. Но он этого не сделал, а крепко прижал к себе..., и они слились в страстном поцелуе, после чего он развернул машину и поехал в обратную сторону.

- Куда мы едем? - настороженно спросила Алина.

- Домой. К нам домой, - ответил Виталий.

Вы когда-нибудь пробовали продать говно? Нет, конечно же не говно в чистом виде, а говно, завёрнутое в блестящую упаковку и приправленное ароматными специями. Да ещё продать так, чтобы купивший сказал вам спасибо, и на следующий день привёл с собой друзей, тоже возжелавших купить себе немножечко высококачественного говна. Алине повезло - она попала в этот сказочный мир лжецов и лицемеров. И по сравнению с её любительскими экзерсисами на телевидении, здесь всё было, на первый взгляд, серьёзно, вдумчиво и по богатому: долгие обсуждения идей, споры с заказчиками, утомительные кастинги, бесконечные правки сценария в поисках именно той самой изюминки, которая порвёт сознание покупателя, и наконец вершина пирамиды — съёмки. Это не было похоже на то, как снимал Юра, когда за вечер делалась почти часовая программа, здесь все работали на износ, сотни раз выверяя и перепроверя уже выверенное и проверенное, актёры падали от усталости, персонал тихонечко выли и матерился, а заказчики и всякие супервайзеры, ещё недавно бодрившиеся и активно принимавшие участие в выставлении кадра и правильном выкладывании своего продукта, засыпали прямо на площадке. И главным двигателем всего этого беспощадного процесса и единственный, кому не был

безразличен конечный результат, был Виталий.

Алина могла неотрывно наблюдать за тем, как он работает с актёрами, как ставит им задачи, как бракует дубли, добиваясь совершенства во всём, от пластики тела, до движения глаз; как следит за работой оператора и режиссёра, самостоятельно поправляет свет и даже вмешивается в работу кухарки, которая готовит для всей съёмочной группы ужин. Но насколько не похож был Виталий на работе, на того человека, в которого он превращался дома. В нём словно включалась другая программа, он становился тихим, податливым и ласковым. Алина пока не понимала, какая из двух программ ей больше нравится. Когда она смотрела на Виталия на площадке, то испытывала почти физическое возбуждение от того, как он управляет десятками людей, но почти такое же чувство охватывало её и в те часы, когда они были только вдвоём. Но самым обидным и самым непонятным было его нежелание снимать Алину в своих роликах. А ведь она могла, и ей очень хотелось снова ощутить уже слегка подзабытое чувство.

- Всё равно я тебя не понимаю, - капризно произнесла Алина, усевшись на диван рядом с Виталием. - Почему Аньке можно, а мне нельзя? Она уже в третьем ролике снимается. Хочешь, чтобы я от зависти умерла?

- Сама знаешь, как это тяжело, - не отрываясь от газеты ответил он. - К тому же ты не будешь меня слушать на площадке.

- А если буду...

Виталий отложил в сторону газету и обнял Алину.

- Послушай старого еврея. Это не твоё. Ты прекрасна в другом.

- Ну мне же нравится...

- Это ложное чувство. Забыла, как в тебя плеснули кислотой?

- А почему тогда ты постоянно суёшь Аньку в кастинги?

- Потому что знаю — заказчики выберут её. Им ведь нравятся суки. Прописная истина от дядюшки Огилви - если у заказчика встанёт, значит и у покупателя встанет.

- То есть ты подводишь к тому, что на меня не встанет? - надув губы спросила Алина.

Виталий с недоумением посмотрел на неё:

- Не думал, что ты так примитивно мыслишь. Милая, то, чем мы занимаемся — это ложь и лицемерие. Мы создаём эту лживую иллюзию, и я не хочу, чтобы ты была по ту сторону экрана, чтобы тебя ассоциировали с тем дерьмом, которое мы рекламируем. Оставайся чистой. Ты невинно пошла на телевидении. Ощутила себя звездой. И я эту звезду заметил. Разве этого мало?

- Ты прав, наверное, - вздохнула Алина, - но я же баба, мне хочется быть лучше всех.

- Алька, ты и так лучше всех...

То, что должно было случиться после этих слов, случилось. Уже не думалось про всякие глупости, ведь, дей-

ствительно, результат достигнут, и оказалось, что любовь с первого взгляда существует, нужно просто вовремя дёрнуть руль в свою сторону, в прямом и в переносном смысле. Не решишь Алина в тот вечер, возможно она сейчас не лежала бы в объятиях прекрасного мужчины, и содрогалась бы не от оргазмов, а от рыданий.

За те несколько месяцев, что они жили вместе, Виталий ни разу не спросил о её прошлом: кого любила, с кем спала, лучше или хуже он предыдущих её партнёров. Что она могла рассказать? О ком вспомнить? Будет ли ему интересно услышать о том, как её насильно лишили девственности, как она три года изнывала от томительного ожидания хоть какого-нибудь секса, как была избита лучшей подругой за мимолётную связь с её мужем, а может быть ему понравится история про маленький член Александра Анатольевича? Хотя это Виталию точно бы понравилось... Алина всякий раз, вспоминая ту ночь, не могла сдержать смех.

- Чему улыбаешься? - спросил он, остановившись. - Я что-то не так делаю?

- Всё так... Всё так..., - томно ответила Алина пытаясь сохранить ритм. - Потом расскажу... Вместе посмеёмся...

Она так надеялась, что завтра всё изменится, что Аню не утвердят заказчики и будет повод позлорадствовать, демонстративно напомнив зазнавшейся девушке о её обязанностях секретаря. Но следующий день не добавил душевного равновесия, которое, казалось, было обретено. Не успела Алина

выйти из лифта, как на неё набросилась Аня.

- Меня утвердили! Представляешь, даже не мурыжили, посмотрели предыдущие ролики и сразу сказали «да». Я так счастлива!

- А что за ролик?

- Про пиво. Помнишь приезжал чудик из Бельгии? Они очередной наш пивзавод купили, теперь будут новый бренд продвигать.

Алина не стала дослушивать восторженную Аню, она хорошо помнила присланный сценарий, в котором была колосящаяся пшеница и усталые косари, попивающие после жатвы холодненькое пиво. Красиво, романтично, аппетитно, есть где развернуться ей как художнику-постановщику, но только пока утверждались и утрясались всевозможные детали и нюансы будущего ролика, закончилось лето.

- Ты уже подписал договор по пиву? - влетев в кабинет Виталия спросила Алина.

- Конечно. Такие работы не часто заходят. А что?

- А ты в календарь, когда последний раз заглядывал? Не задумывался, где взять не скошенное пшеничное поле в начале сентября?

- Вот блин! А что уже...

- «Уже» ещё месяц назад закончилось. Это я тебе как бывшая колхозница говорю.

Виталий вскочил с места и начал бессмысленно метаться по кабинету, как будто эта беготня могла помочь найти пра-

вильное решение.

- Вот блин! - снова чертыхнулся он. - А чего же ты раньше молчала?

- Вы же всё сами решаете. Вам советы черни не нужны. Этот ещё придурок бельгийский... Он сценарий написал?

- Ну да... Романтик хренов, - Виталий с надеждой посмотрел на Алину. - Что делать будем? Не в декорациях же снимать искусственную пшеницу.

- Могу себе представить эту красоту. А что если обзвонить хозяйства, что севернее нас... Может где-то задержались с уборкой...

- А это идея..., - он выбежал в коридор и крикнул, - Аня! Тимура сюда. Быстро!

Через минуту в кабинет заглянул запыхавшийся администратор съёмочной группы.

- Быстро обзвони все колхозы, что севернее нас. Нужны не скошенные пшеничные поля...

- Подожди, Виталий, - перебила его Алина, - долго всё это. Нужно ехать и искать...

- Точно! Бери машину. В бухгалтерии деньги. И вот ещё..., - он открыл сейф и положил на стол перед Тимуром мобильный телефон «Нокиа». - Береги его как зеницу ока, таких только три на весь город. Найдёшь поле — звони. И костями ложись, чтобы не начали косить. Что хочешь делай.

- Всё понял, шеф. Когда выезжать?

- Сейчас, Тимур. Сейчас. От тебя теперь всё зависит.

В полдень следующего дня на стойке секретаря раздался звонок. Аня сняла трубку, из неё доносился скрип и бульканье, сквозь которое прорывался едва уловимый голос Тимур.

- ...515 километр... по трассе на Брест... село Привольное... Жду завтра утром... Могу не выдержать... Спешите.

Через два часа съёмочная группа была готова к выезду. Впервые за много лет Виталий не смог поехать вместе со всеми, его ждала изнуряющая встреча с бельгийцем, нужно было подготовить почву на тот случай, если с эпизодом в поле ничего не получится. Он назначил эту встречу сам, поскольку мало верил в чудо, на поиск которого был командирован Тимур.

- Юра, ты старший в группе, - начал он напутственную речь, которая закончилась очень быстро. - Постарайтесь не облажаться.

После этого он отвёл в сторону Алину, и обняв её, прошептал на ухо:

- Не хочу, чтобы ты уезжала.
- Ну ты же знаешь, что без художника нельзя.
- Знаю. Но всё равно не хочу. У меня совсем другие планы были на эти выходные.
- Вернусь, тогда и поделишься своими планами.

Алина проснулась от того, что солнце светило в глаза. Она протёрла запотевшее стекло и попыталась рассмотреть нумерацию на столбиках, торчащих у обочины. 498. Осталось

совсем чуть-чуть. Она перевела взгляд вдаль. Мимо проплывали знакомые места. За три года вся округа, видневшегося за холмом городка, была исхожена ею вдоль и поперёк: шашлыки, купание в речке, прогулки в лесу в надежде насобирать грибов... От увиденного стало даже как-то волнительно, аж под ложечкой засосало. Столько времени прошло, а Али-на так и не смогла забыть ни этот город, ни того, кто её сюда притащил, ни свои переживания и страдания.

- Мы здесь будем ночевать? - спросила она сидящего впе-реди администратора, указав пальцем на проплывающие ми-мо городские силуэты.

- Да. Гостиница «Колос», - ответил тот, порывшись в блок-ноте.

- Даже так..., - задумчиво произнесла Алина.

Она жила в соседнем доме, и каждые выходные, а ещё в день зарплаты, посещала гостиничный ресторан. Какие там подавали драники... Здесь же она готовилась к встречам с Глебом Константиновичем, который особо не баловал её и всегда очень спешил, поэтому заранее выпитая за ужином бутылочка вина была кстати, помогла расслабиться, не ду-мать о плохом и не считать себя сукой. Хотя какая из неё су-ка. Обычная девочка, у которой и любви то нормальной ни-когда не было, а тут серьёзный мужчина, не слишком люб-веобильный, но весьма страстный, одна беда — женатый, и жены своей боялся, как огня.

И вдруг Алина поймала себя на похабной мысли, оказа-

лось, что она почти не помнит лица Глеба Константиновича, если бы случайно встретила, то прошла бы мимо даже не поздоровавшись, а вот его член забыть так и не смогла. Может быть и влюблена была вовсе не в человека, а в это невообразимое творение природы, по ошибке доставшееся никчемному существу в сером костюме...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.